

разжирѣлъ, раздобрѣлъ до того, что ужъ не могъ сидѣть за обѣденнымъ столомъ: такъ необъятна была его фигура! Онъ не могъ устѣться за обѣденный столъ. Приборъ для него помѣщали всегда на его собственномъ, выдававшемся впередъ, обширномъ животѣ.

— Чего вы радуетесь?—спрашивали Щепкина старые помѣщики, державшіеся съ дѣтства крѣпостническихъ воззрѣній, воспитавшіеся на нихъ.

— А вотъ, скоро бѣднягамъ вольнѣе подышится.

— Смотрите, какъ бы не пришлось вамъ потомъ плакать изъ-за этихъ реформъ,—сказалъ ему въ Англійскомъ клубѣ одинъ генералъ:—крестьяне, на радостяхъ, чего доброго, больше запьянствуютъ и обнищаютъ въ конецъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство,—весело и добродушно отвѣчалъ Михаилъ Семеновичъ:—вы не бойтесь этого; повѣрьте мнѣ, не запьянствуютъ они, а, напротивъ, веселѣе работать станутъ. А вотъ я дѣйствительно, не пью, никогда ничего не пью. А зато, когда объявятъ освобожденіе крестьянъ,—ой, Господи, дожить бы только мнѣ!—я, такъ и быть, на этотъ разъ нарушу свой вѣковой обычай: отпраздную этотъ день и чокнусь съ друзьями, и выпью много-много бокаловъ!..

И, правда, онъ устроилъ у себя по случаю объявленія воли торжество.

— Праздникъ всероссійскаго крестьянства — всероссійскій праздникъ, — сказалъ онъ друзьямъ-гостямъ: — возликуемъ, возрадуемся всѣ!.. Гдѣ бокалъ мой?